

АЛИМБАЕВ РУСТАМ ТАДЖИБАЕВИЧ

Загрузились. Помню как сейчас- грязные , в копоти, крови сидят в вертолете мои бойцы. И рядом Рустам. Полнейшее опустошение. Как выдерживала психика, не понимаю. Мне 23 года, бойцам до 20!!!!

Дальнейшее повествование основано на моих воспоминаниях как разведчика второй группы - Сергея Нестерова, с добавлениями от командира группы Сергея Ивановича Михалькова, и разведчика 3 группы Рустама Шаропова. Также, уже после службы, я общался с другими участниками на том задании - Геннадием Безпалым, Василием Михайловым для того, чтобы дополнить деталями картину того задания у Ирано-Афганской границы. Даже находясь в небольшой группе, но выполняя разные задачи, одни и те же события разные люди видят по-разному.

В конце лета 1980 три разведгруппы и группа связи роты были направлены на запад Афганистана, где в районе Герата планировалась армейская операция. Основной задачей была разведка на путях передвижения на Афгано-Иранской границе. Первый взвод был оставлен на базе в Кабуле в распоряжении разведотдела Армии. Вылетали со своим транспортом и обеспечением для полной автономии – палатки, кровати, сухой паек, и т.д. Приземлились в Шинданте и колонной выдвинулись в Герат. База роты была организована в сосновой роще у дороги, километрах в пяти от города, в непосредственной близости от сожженной и полуразвалившейся крепости. Остатки крепости, были больше похожи на когда-то добротный дом богатого бая или караван-сарай из загадочных восточных сказок моего детства.

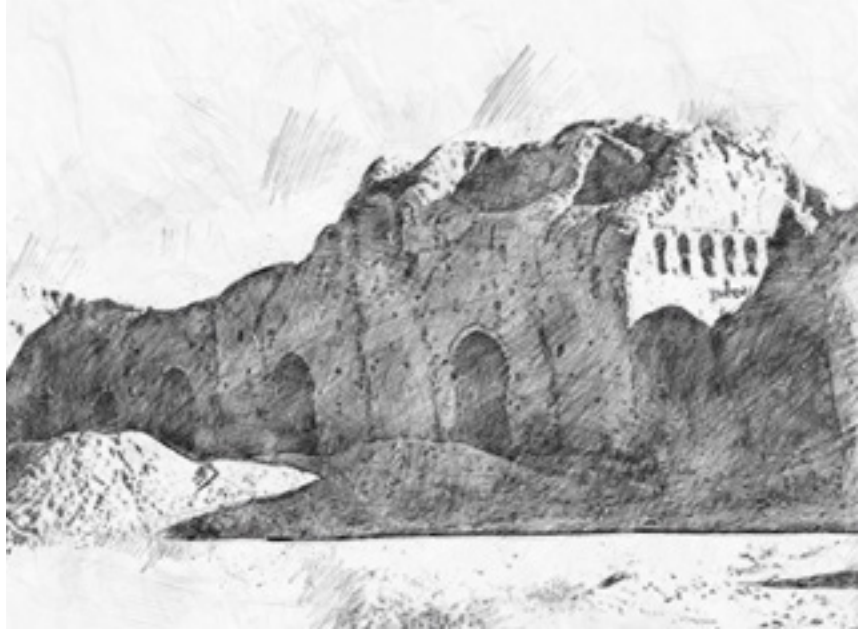

Там же в роще был небольшой хауз (пруд, по узбекски) и родник его наполнявший. Здорово выручало наличие свежей проточной воды. Мы не упускали ни единой возможности насладиться прохладой маленького бассейна наполняемого из родника.

На задания вылетали с ближайшего аэродрома. Было несколько результативных выходов достойных отдельного повествования – свой второй день рождения в армии я встретил на задании, и это было мое первое участие

в реальной - не учебной засаде. Одновременно с удачами в «поле», несмотря на принятые санитарные меры в быту, часть разведчиков заболели гепатитом и были отправлены в госпиталь Шинданда. Отработав в районе Герата рота была переброшена в Шинданд, где нас разместили в 105 дивизии, бойцы которой были на операции и нам выделили опустевшие на время палатки мотострелков. В Шинданте началась вторая волна эпидемии гепатита. Группы поредели. Обычно мы работали парами, и мой напарник в группе, Сергей Литвиненко как раз и попал в эту вторую волну. Просто удивительно, но мне повезло, несмотря на то, что с Серегой мы из одной большой салатной металлической чашки из нержавеющей стали вкуснейший фасолевый суп ели. С тех пор, вкус фасолевого супа мне Гератскую сосновую рощу и сладкую прохладу воды из родника напоминает. Очередные выходы на задание планировались из района Шинданда. В нашу группу пополнением попал Алимбаев Рустам. Собственно, это он сам попросился у командира группы Михаила Лукомского и у и.о. командира роты Владимира Сомова разрешения идти с нашей второй группой взамен Сергея Литвиненко.

После удачного выхода в районе Герата командир нашей второй группы, старший лейтенант Михаил Лукомский, был в легкой эйфории от успеха и отмечал это событие, как подобает. А выходы на разведку продолжались, и подошла наша очередь вылетать на Ирано-Афганскую границу, отследить интенсивность перемещения «душманов» по результатам армейской операции.

22 сентября утром мы получили приказ готовиться к выходу - получить боеприпасы проверить снаряжение и подготовить оружие, отдохнуть и быть готовыми к выезду на аэродром – вылет за час до заката.

Буквально за несколько часов до вылета, командир группы Лукомский зашел в нашу большую армейскую палатку где группа заканчивала подготовку, бросил нам свой РД1 и приказал собрать рюкзак на выход. Самому ему было явно не до того, и требовалось как минимум сутки для отдыха.

Лично у меня прямо екнуло: И вот с этим командиром мы к «друзьям» нашим так вот и полетим!? И подумалось – надо гранат больше взять, в степи далеко не удерешь, а с лишней «эфкой» (Ф-1) понадежней будет с «духами» на коротке общаться, если уж на то судьба сведет. И тем не менее, юмор не покинул и здесь. Смекалку проявили, наполнив командирский рюкзак «эфочками» под завязку прикрыв патронами россыпью. Лишь бы ляжки у командирского РД не оторвались при приземлении, когда из вертолета вываливаться будет. А то, что на первых километрах, да с таким грузом, быстро придет в бодрое состояние, на то сомнений не было. В бригаде, в Союзе, это был самый верный способ отрезвления - для улучшения метаболизма у залетчиков – в ОЗК с противогазом, РД с кирпичами и по плацу кружочки нарезать. Сейчас, 40 лет спустя, удивляюсь нашей такой молодой безшабашности, тем что единственно разумным решением тогда стало то, что гранат по-больше надо взять. Это не значит, что страха не было, просто его место в душе где-то подальше закопать старались. А про то, что от задания отказаться, так это также как от прыжка с парашютом отказаться, когда твоя очередь прыгать подошла и за тобой строй, таких же как ты, чудиков бежит из темноты к светлему проему в теле самолета - к люку – и конечно страшно, но не прыгнуть просто нельзя. Так и здесь. Ты в разведке, и это твоя судьба, без альтернатив. Надейся на лучшее, готовься к худшему, и тебе повезет.

Буквально за пол часа до построения в палатку влетает взбудораженный замполит Сергей Михальков и спрашивает - где рюкзак Михаила Лукомского, и поясняет, что его с группы сняли по причине болезни и с нами командиром группы пойдет лейтенант Михальков. В отсутствии Командира роты Виктора Боева (отпуск), Владимир Сомов был и.о. командира роты и он принимает решение снять Михаила Лукомского с группы. Закрутилось все очень быстро, задание никто не отменял. Оно утверждено по всем инстанциям, район определен, задача и время вылета поставлены. Единственным свободным офицером был замполит.

Лейтенант Сергей Михальков - отважный мужик, выпускник Донецкого высшего военно-политического училища. Сергей с тактикой действий групп спецназа теоретически и «в поле» был знаком, по службе в Союзе, в Лагадехской бригаде спецназ, но в тот момент, без реального боевого применения. Большой удачей, или правильнее сказать, мудростью командира Сомова было то, что с задачей и районом разведки Сергей Михальков был также знаком поскольку вместе с Михаилом Лукомским он вылетал на рекогносцировку местности.

Михаил Лукомский, выпускник Рязанского училища ВДВ, элитной кузницы десантных и войск спецназа СССР а также некоторых дружественных стран. Михаил был с многолетним опытом теории и практики в Капчагайской бригаде спецназ и свежим опытом применения этих знаний в боевых условиях уже в Афганистане.

Итак, группа с новым командиром, лейтенантом Сергеем Михальковым. Сергей был в прекрасной физической форме (спортсмен-боксер), у него хороший контакт с бойцами, разведчики его уважают и доверяют. Вторая группа уже в этом западном регионе была с опытом проведения разведки и удачной засады на дороге - учить их ничему не надо, поставленную задачу выполняют.

Из-за непредвиденных замен в составе добрались на машинах до аэродрома уже после заката, и это было слишком поздно. Вылет отложили на, следующий день. 23 сентября все прошло, как по учебнику - перед закатом на двух вертушках наша вторая группа вылетела с Шиндандского аэродрома в сторону Иранской границы. Летели минут 40, сделав две-три посадку в разных местах. Десантировались – вертолеты, медленно двигаясь, подвисали в паре метров от поверхности, а мы просто вываливались, один за другим, в пыль пустыни. Вертолеты ушли. Стихло. И только легкий ровный прохладный

ветер из пустыни. Осмотрелись, посчитались, определились на местности и выдвинулись в направлении ближайшей из господствующих вершин, одной из тех редких скалистых образований на теле абсолютно ровной, как стол пустынной местности. Смеркалось. Шли ходко к подножью горы.

Сергей Иванович Михальков : После десантирования мы шли на горку тяжело и довольно долго. Четко помню, несколько привалов. После моей команды-Привал- падали все и отключались мгновенно. Я не прилег ни разу, боялся, что усну. Будил тоже тяжело. Эта луна меня преследует всю жизнь, полная, серебрянная.

Поднимались медленно, стараясь не «пускать» камни вниз. С РД забитым под завязку патронами, гранатами, сухпаем и водой выполнять ночной горный подъем и по возможности тихо, дело не простое. А у радистов плюс ко всему, еще и рации с аккумуляторами. Шли долго, вымотались, на привалах все валились с ног. Далеко затемно достигли вершины, расставили посты, разбились по сменам и расположились на отдых до утра. Ночи в сентябре, в пустыне с резко-континентальным климатом, бывают очень холодны. На высоте свежий прохладный ветер из пустыни забирает последнее тепло. Когда села луна, появились звезды, миллионы звезд, на небе ни облачка. Мой секрет для сохранения тепла – найти ложбинку, спрятаться от ветра, замотать ноги в плащ-палатку, меховую куртку в рукава, воротник поднять и отбой, что мы и сделали. После своей смены Рустам и я заснули мгновенно. Наш с Рустамом сектор обзора был на запад, в сторону Ирана. Здорово, это лишние пол часа поспать , чтобы не щуриться в первых лучах восходящего солнца. Очень пустынно, небо и земля на горизонте сливались в чернильно-пыльную синь и ни единого огонька.

Утром выяснилось, что с восточной стороны нашей горы расположилось небольшое кочевье, а чуть дальше колодец. Наблюдали весь день. Под шатрами кочевников шла нерасторопная, размеренная и спокойная жизнь, ходили за водой, купались, готовили пищу.

Расстояние до кочевников около километра, ветер был на нас, поэтому нам все хорошо было и видно и слышно. Рядом с шатрами заметили грузовую машину. Сменяясь парами, мы вели наблюдение за кочевьем и пастухами, которые с рассветом ушли со стадом. Какой-либо активности или массовых перемещений нами замечено не было. По всей видимости, мы находились далеко от дорог.

Под вечер с поста, располагавшегося ближе к подножью нашей горы, доложили, что наблюдается повышенное внимание одного пастуха к нашей вершине. Командир приказал взять «языка» живьем, но не захватывать агрессивно, как врага, а пригласить «в гости на чай», но так, чтобы он не смог отказаться. Наши ребята, говорящие на фарси, Махмуд и Нажмитдин, скрытно спустились и «пригласили» его к нам на чай, в гости, поговорить. Пастух был молодой, лет 20-25, без оружия. Он явно был напуган неизвестными вооруженными людьми, но довольно разговорчив.

У командира группы Сергея Михалькова, замполита, возникла идея разыграть этого пастуха тем, что мы инструкторы-наемники из Европы, воюем с шурави на стороне «духов». Якобы мы продвигаемся в Иран для встречи с представителями оппозиции для получения груза с оружием с последующей организацией партизанского движения в регионе против правительственных войск. В ходе разговора, он прояснил о местной расстановке сил. Слово за слово, он рассказал много интересного про кочевья вокруг и про то, как они разбирались, с теми, кто был за новую власть. Но самое интересное было про караван-сарай на дороге в Иран, где останавливались машины «духов» на ночной отдых перед пересечением границы. Поскольку, никаких правительственных или советских войск в регионе не было, то даже и охрану на ночь там не выставляли. Кто-то обратил внимание на возможность «взять в займы» транспортное средство, что мы наблюдали у кочевья и совершить «неожиданный визит» отдыхающим «духам». Правда, вероятность того, что пропажа машины может остаться незамеченной слишком мала и тогда будет необходимо уничтожить всех обитателей кочевья – а это слишком дорогая цена за возможность прокатиться с ветерком до караван-сарая и от такого греха нам уже никогда не найти ни прощения и ни оправдания.

У командира группы созрел дерзкий план засады с захватом машины на дороге в Иран с последующим налетом на тот самый караван-сарай, служивший малой перевалочной базой «духов». В настоящий момент, нам был нужен проводник, чтобы указать путь к дороге, ведущей в Иран, с чем командир группы к пастуху и обратился через наших переводчиков. Принял он все за чистую монету или решил подыграть, чтобы в живых остаться, было не важно, а важно было то, чтобы он вывел нас к дороге. Кстати, как бы невзначай, спрашивая про машину у кочевья, на которой его родственники могли бы нам помочь с пересечением границы выяснилось, что там внутри, в моторе, что-то сломалось и она не заводится, а механика у них нет и надо посылать за механиком. Мы обещали разобраться с двигателем, когда будем у них обратно возвратившись из Ирана

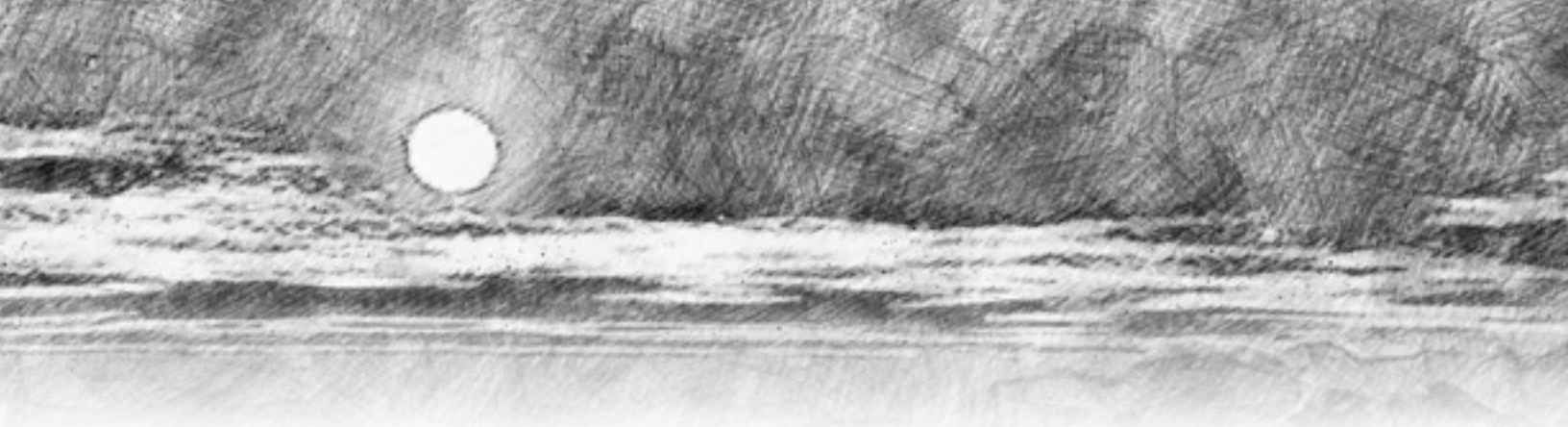

с оружием. От этой информации у меня на душе прямо полегчало - на этот раз пронесло, судьба наша спецназовская явно оберегала в этот раз от неудачи захвата сломанной машины, но за это будем платить ногами – долгим ночным маршем.

Как только стемнело, мы выдвинулись на северо-запад. Мы были в движении почти 4 часа по пыльно-песочной равнине пересекая галечник высохших ручьев и обходя засохшие шаровидные скопления из колючки «перекати-поле» изредка делая короткие привалы. В ночь с 24 на 25 сентября стояла полная луна, местность пустынная и ровная,

видимость отличная. Бледно-голубой, почти серебристый свет луны заливал все вокруг – так ярко было, что даже звезд не было видно, одна сплошная огромная луна. Ветра не было, полная тишина и только шаги наши в ночи по песку и камням в местах пересечения сухих ручьев. Проводник с двумя разведчиками шли впереди, а группа на удалении, чтобы случайная оброненное русское слово не долетало до впереди идущих. Из сопровождающих проводника, один разведчик держал в готовности его АПСБ с патроном в патроннике на случай побега проводника. Так мы и менялись в сопровождении, двигаясь безмолвно по ночной пустыне, пара за парой. Далеко впереди изредка стали видны тусклые всполохи от фар машин, идущих в сторону Ирана. Но чем ближе мы подходили к степной дороге, тем реже были видны машины. Вскоре движение совсем прекратилось. Мы шли хорошим темпом, и когда посреди пустыни проводник остановился и сказал, что вот это дорога и есть, мы, только хорошо

присмотревшись, заметили следы недавно прошедших машин. Продолжая играть в инструкторов-наемников, мы «забили стрелку» с проводником, для встречи через сутки под нашей горой (где мы его встретили) с местными бойцами «за веру», для раздачи им стрелкового оружия, за которым сейчас и едем. 100%-й уверенности в том, что это реальная дорога не было. Через короткое время заметили огни грузовых машин,двигающихся в нашем направлении. Значит, не обманул. Оставляя при себе проводника дальше было не желательно, надо было готовить засаду. Проводника отпустили, против всех правил, конечно, но на то был приказ командира и счастливый «дух» растворился в ночи.

Сергей Иванович Михальков : *Боевой порядок вдоль дороги мной был определен так - первые бойцы с АПСБ, далее с автоматами и пулемет, на случай, если машину не остановят беззвучным оружием. Радисты были определены в стороне, они не участвовали в бою по известным причинам. Когда первая машина поравнялась с бесшумниками, был открыт огонь, внезапность и быстрота сыграла главную роль.*

До этого, мы никогда не устраивали засады на машины, только на учениях в Чирчикской бригаде, но там мы минировали и стреляли холостыми. Однажды, на осенней проверке, подорвали имитирующими зарядами и отстрелялись холостыми по машине проверяющего генерала Дунец с его свитой. Но то была мирная учеба и ошибки жизнью не карались.

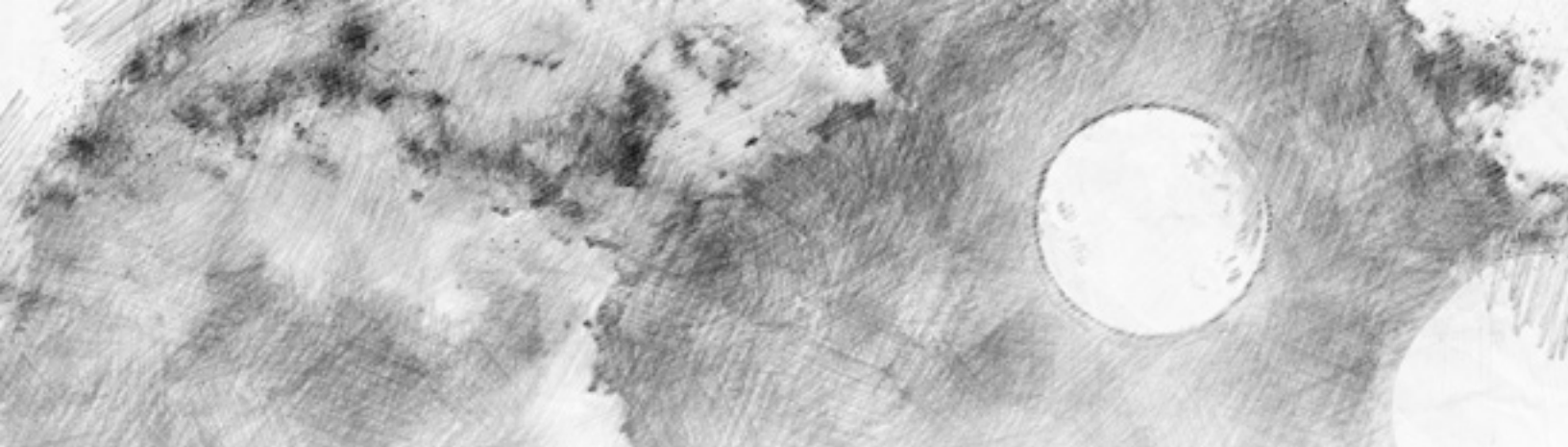
У нас уже был удачный опыт, когда работали под Гератом. Классическую засаду на мотоциклистов на ночной дороге в пустыне уже проводили чисто и почти без шума. Тогда у нас было только два АПСБ, с помощью которых мы выполнили свою задачу как по учебнику. Теперь же задачка была посложнее. Дорогу решили не блокировать, так как по ней быстро не разгонишься, и, стреляя в упор, будет достаточно времени для поражения цели. Мы нашибали столько верблюжьей колючки и импровизировали большие кусты, за которыми расположились две пары разведчиков с АПСБ. Рустам был один из тех, у кого дополнительно к штатному автомату был АПСБ. Гена Безпалый, я, Эрик Минкин и Миша Морозов приготовились к встрече. Остальным, по возможности, огонь не открывать, но уйти никто не должен был, это все понимали. Задачей было захватить машину в рабочем состоянии. Машина приближалась, уже был слышен натужный подвывающий звук двигателя и метались сполохи лучей от фар машины, когда она

попадала на кочки на этой проселочной дороге.

Метров с десяти мы открыли автоматический огонь из АПСБ по кабине машины, это был ГАЗ-51 с высокими бортами. Все, кто был в кабине, либо убиты или тяжело ранены, но водитель умудрился поставить коробку передач на нейтралку и машина продолжала катиться. Мы побежали за ней. Метров через двадцать машина остановилась, и мы, несколько разведчиков с АПСБ быстро подскочили к кабине. Пока у тех, кто мог остаться в живых шок, нельзя было терять ни секунды. Боковые стекла дверей были опущены. В проеме водительская двери я увидел движение руки сжатой в кулак. Первая мысль - рука с гранатой! И вот тут у меня магазин кончился – били очередями, и я просто счет потерял, сколько выпустил. Дурацкая ситуация – пару -тройку секунд мне на перезарядку точно надо, а я от потенциальной гранаты всего в паре метров. Укрываюсь за бортом, перезаряжаю и стараюсь среди всех звуков уловить тот зловещий специфический звук-щелчок запала гранаты начавшего свой смертельный посекундный отсчет. Откуда ни возьмись на мою удачу, возникает из темноты Рустам Алимбаев и бьет короткой очередью из АПСБ в кабину через дверь. Идет рикошет и одна из пуль предательски визжа уходит в небо. Рука уже не маячит - прислушиваюсь, ни звука отстрела чеки ни шипение запала. Пронесло на этот раз, спасибо Алимбайчику (Так он мой молодой напарник мне и запомнился – Рустик или Алимбайчик). Фары продолжали освещать дорогу. Пока мы разбирались с кабиной один из «духов» спрыгнул на крышу кабины, затем на капот и дал стрекача по дороге, командир увидел убегающего в свете фар и понимая, что все разведчики уже были задействованы послать за ним просто некого погнался за ним сам – никто не должен был уйти а открывать огонь из автомата было пока нельзя.

Сергей Иванович Михальков: *Одного пытавшегося убежать, я долго догонял, стрелять нельзя было. Ножом. Руки были сильно в крови, помню. Потом в вертолете не мог их оттереть. Кровь была сухая. Знал, никто из духов не должен уйти. Опять же эта луна светила прямо в лицо на фоне убегающего.... Всю жизнь вижу эту картинку при полной луне.*

Мы в это время освобождаем от тел водителя и двух пассажиров кабину и пытаемся завести машину. Морозов и Турченко умудряются ее завести коленчатым валом. Затем они отогнали машину с дороги.

Курьезный момент, на пару секунд, произошел, когда машина остановилась. Группа разведчиков стоит веером у машины, а «залезть дракону в пасть» как-то не решается даже после команды командира: «К Машине!» То есть, к машине мы подбежали, а дальше как-то стремно. Они же, те кто в кузове, точно не дураки, а гранат наступательных мы, как выяснилось, тоже не взяли, только оборонительные Ф-1 с поражающим радиусом 100 метров. Брось штук несколько в кузов - и своим, и чужим – всем хватит. Было такое некоторое оцепенение и лезть надо, и точно страшно. В реальность вернул голос командира, приправленный крепкими цветастыми определениями. Он сам первым махнул через борт прямо в кузов набитый «духами». В доли секунды и другие разведчики, что без АПСБ, с отважными переводчиками Нажмитдином и Махмудом, лихо перемахнули за борт в кузов и посыпались оттуда на нас выкидываемые «духи», оружие, патронташи и какие-то шмотки.

В течение 15-20 минут разобрались со всеми, кто в ней ехал. Оказать достойное сопротивление духи не смогли. Фактор внезапности сработал на нас. Часть группы разбиралась трофеями, а другая контролировала дорогу и обеспечивала безопасность, чтобы никто не кинулся за подмогой через иранскую границу, которая была совсем рядом. В ходе перестрелки кто-то из духов пытался отстреливаться без потерь для нас, но без шума не получилось - пара выстрелов и визжащие рикошеты. Тут произошел отказ у моего АПСБ. После отстрела около сотни патронов произошло утыкание патрона: ослабленная возвратная пружина, следствие длительного нахождения в пыльной среде без чистки. Наблюдатели за дорогой сообщили, что движется вторая машина, и она уже близко. Группа с АПСБ изготовилась для взятия второй машины.

Я лежал за кустами с колючкой рядом с Рустамом. Заряжая свой АПСБ патронами из РД, перебросился с ним парой фраз. Рустам сказал, что если на следующем выходе снова будет засада, то он автомат не возьмет, чтобы зря не таскать лишний вес, который не применяется в деле. Поскольку нашумели с первой машиной, командир группы Михальков сказал: «АПСБ отставить!» Это как мне запомнилось, потому как я убрал АПСБ и проверил готовность моего АК-74.

Остальная часть группы выдвинулась на наши позиции, теперь несколько впереди и слева расположился пулеметчик Василий Михайлов. Если раньше остальная часть группы молчала, то теперь этот пулемет должен был работать, и его раскаленные гильзы отлетали бы мне точно за шиворот. Я понял, что позицию надо менять, и сказал Рустаму: «Давай перейдем?». Алимбайчик просто сместился вправо и сказал, что здесь его гильзы не достанут, и он останется там же, откуда мы уже работали по первой машине за импровизированными кустами из сухой колючки «перекати-поле». Я же переместился влево по цепи залегших разведчиков так, чтобы ни мои гильзы ни на кого не летели, и у меня перед носом никого не было.

Сергей Иванович Михальков : *По второй машине. Боевой порядок был определен тот же. Не планировалось вести огонь из всего стрелкового оружия. Когда машина поравнялась с бесшумниками, я не знаю почему скомандовал: «Огонь!». Наверное, на неврозе. Море огня!!!! Машина в «решето», мало кто там остался живых, оставшихся добили. Как именно погиб Рустам Алимбаев светлая ему память, я не видел, в горячке и пыли боя.*

Когда машина была на расстоянии около 50 метров, замполит дал команду “Огонь!” Из положения лежа, мы залпом открыли огонь. Сквозь грохот боя услышал какое-то замешательство и крики на правом фланге с места, откуда я ушел. Мне показалось, что кто-то из наших ребят ранен, его потащили назад к радистам. Далее командир дал команду закончить с машиной, чтобы никто не ушел. После боя, вернувшись к расположению радистов, я увидел, что кто-то из наших укрыт плащ-палаткой с головой. Я даже подумал, почему никто рядом не сидит с раненым, отвернул край плащ-палатки, закрывавшей голову. Это был Рустам. Он был мертв. Тут на меня прикрикнули ребята, сидевшие недалеко: «Что ты Серега там смотришь?». Я пытался объяснить, что не знал, кто именно ранен и потому и подошел, и был возмущен тем, что рядом с раненым никого нет.

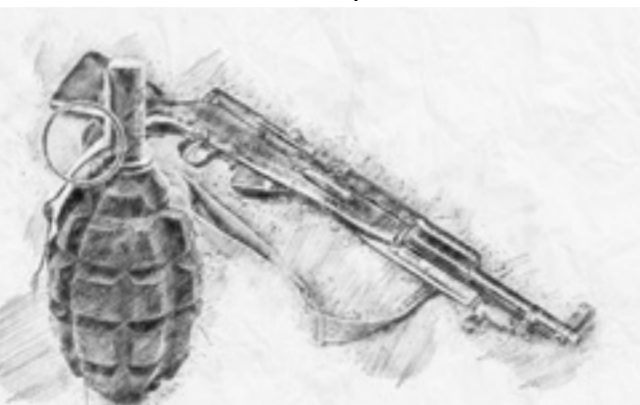

Такого расклада, конечно, никто не ожидал. У нас был наш убитый товарищ и куча духовского оружия, которое и бросать нельзя, и взорвать нечем, кроме «лимонок». Вся наша мобильность и «наполеоновские планы» на этом закончились. Вторую машину мы расстреляли «в решето» в надежде на то, что уедем на первой, но видимо, в запарке, несмотря на предостережения не стрелять по мотору, какая-то шальная пуля в ходе боя повредила

радиатор, и завести ее второй раз мы не смогли. Так сказать - приехали! Скоро утро, и по трассе начнется движение «духов». Надолго нас тут не хватит. Надо вызывать вертушки.

Сергей Иванович Михальков: *Достаточно долго продавливали связь. Радисты сработали профессионально. Впрочем, как и всегда. Насколько возможно врылись в землю, готовились к худшему.*

Радисты продавили связь только к рассвету. Ситуация не самая приятная, решили окопаться и подготовиться дать тот самый ... «и решительный бой», если вертолеты запоздают. Теперь задача состояла в том, чтобы постараться по дорожке себя «продать».

На тот случай, уж если дойдет до рукопашки, то, чтобы было чем отмахиваться, нашел себе в трофеях китайский СКС и примкнул, «на всякий пожарный случай» штык. Затем ввернул в «эфки» запалы, разогнул усики. Окопчик мой скромненький такой, где-то по колено глубиной, но все готово. Надежда на то, что придут вертолеты и выручат нас, была, но мы были готовы ко всему. Расцвело, и уже солнце встало, а вертушек все нет.

Сергей Иванович Михальков : *Когда появились вертушки, напряжение неимоверное несколько спало. Я приказал поджечь машины, вертушки нас увидели.*

По приказу командира, Василий Михайлов поджег одну из машин, и огонь начавшись слегка позже повалил в столб черного дыма на осеннем звонко-чистом голубом безоблачном небе. Ну картинка была еще та – вот они мы, здесь, не промахнешся!!! Позже Геннадий Беспалый вспоминал, что появился иранский «Фантом», довольно далеко, но узнаваемый, прошел вдоль границы. Сложно передать то состояние, когда мы издали услышали рокот приближающихся вертолетов МИ-8. Погрузили тело Рустама и трофейное оружие, потом сами.

Сергей Иванович Михальков: Загрузились. Помню как сейчас- грязные , в копоти, крови сидят в вертолете мои бойцы. И рядом Рустам. Полнейшее опустошение. Как выдерживала психика, не понимаю. Мне 23 года, бойцам до 20!!!! По выработанной по ходу легенде, что мы наемники, все верно, пастух полностью поверил. Нам повезло, его нельзя было отпускать, в дальнейшем я такого не допускал. Хочу отметить всех спецназовцев этого выхода за смелость, храбрость. Отдельно отмечу Сомова. В. Это он взял на себя смелость и риски , назначая меня командиром, при неудаче, он бы ответил головой, и я это хорошо понимаю.

Группа: разведчики - Безпалый Г., Минкин Э., Морозов М., Михайлов В., Саилов Н., Нестеров С., Алимбаев Р., Турченко С., Махмудов М., радисты - Шах Шахин- Заде, второго радиста, к сожалению, не помню. Очень сильная была группа Михаила Лукомского, мне очень повезло и в этом.

Рустам Шаропов - Разведчик 3 группы: Я помню как подъехала машина, и из нее посыпались трофейные стволы. Без слов было понятно, что был мощнейший бой. Когда ребята из 2-й группы повыпрыгивали из кузова, у меня сердце оборвалось. Потому, что там было пол группы. Понятно, что подумалось о больших потерях. И лица у прибывших пацанов были каменные. Несколько секунд просто была тишина, никто не бросался на грудь обниматься. Потом уже кто-то спросил: «Где пацаны?» . Тогда выяснилось, что погиб Рустам, а группа по прибытии разделилась, часть ребят повезли его в медчасть. По самому бою, я по горячему, тогда слушал рассказы Нажмиддина, Махмуда, Турченко того же Васи Михайлова.

Потом в Шинданте, я помню его цинковый гроб стеклянным окошком. В народе просто «цинк» – большой металлический ящик. Рустам в форме, как заснул, мы понурые стоим вокруг гроба запыленные, в песочках, над нами звонко-синее сентябрьское небо, ясное солнце на ветру шумят сосны над головами. Нажмитдин из нашей группы, родом из Душанбе, полетел сопровождающим в Ташкент, поселок Бектемир.

Я очень сожалею, что не был близко знаком с Рустамом, только на одном задании и был, и не было возможности поговорить: про его друзей, про секцию бокса в которой он занимался, про девушку, что из армии его ждала и вообще про жизнь, ведь мы же земляки я ведь из Ташкента и город Бектемир совсем рядом. Наша служба, когда мы в разведке, не предполагает возможности говорить в голос, все время находишься в постоянном напряжении, все как бы не до того, и думаешь: «Вот вернемся, отмоемся

в бане, будет день отдыха, вот и поговорим». Не довелось. Отчаянный и отважный - рискованный парень Алимбаев Рустам. Я вспоминаю Рустама, вот уж 40 лет, как каждая полная луна, которую мне доводится видеть, где бы я не был на земле навеивает тревогу, и память возвращает меня в сентябрь 1980 года. Задаюсь все время вопросом, ну почему не «наехал» на него, и не заставил его позицию поменять, ведь он младше меня по призыву. Все тогда могло пойти по другому. И нет ответа.

В 1987, на доме его родителей мы установили памятную плиту, встречались с родителями и семьей. Я с 1998 года не в Ташкенте. Где-то в 2005 я был на месяц в на Родине и также заезжал к родителям Рустама с другим нашим сослуживцем Кахрамоном Базарбаевым. Летом 2012 я также был в Узбекистане и по удачному совпадению был в Ташкенте и командир нашей группы на том задании, Сергей Михальков, и

мы также посетили дом Рустама Алимбаева вместе с Кахрамоном Базарбаевым. Мы смотрели до-армейские фотографии Рустама и мама Рустама, Феруза Мусаевна показала нам письмо из части, то самое письмо, которое замполит писал на гибель Рустама. Сергей Михальков читал это письмо, и чувствовалось, что не просто ему настоящему с собой, замполитом из осени 1980 года разговаривать.

Вечная память павшим в боях! Берегите себя, боевые друзья!

АЛИМБАЕВ РУСТАМ ТАДЖИБАЕВИЧ

АЛИМБАЕВ РУСТАМ ТАДЖИБАЕВИЧ, рядовой, разведчик, родился 7 января 1961 года на территории сельского селения имени Ахунбабаева Среднечирчикского района, Ташкентской области Узбекской ССР, узбек. В вооружённые Силы СССР призван 2.11.1979 Среднечирчикским РВК.

В Республике Афганистан с июня 1980 года. Неоднократно принимал участие в боевых действиях. В бою 25 сентября 1980 года был смертельно ранен. За мужество и отвагу Рустам награждён орденом Красной Звезды, посмертно. Похоронен в городе Нариманов Ташкентской области.

